

Черноморские казаки на Невском проспекте

А. И. Федина

С Санкт-Петербургом связаны жизни очень многих черноморских казаков. Здесь они учились в Лесном институте, а после возвращения домой украшали Кубань лесами, садами, парками.

После окончания Императорской капеллы создавали на родине хоровые и оркестровые коллективы, а под музыку и с песней они не только работали, строили, но и шли в бой и возвращались с победами.

Получив профессию инженеров, они строили в Черномории мосты, дороги, укрепления, железнодорожные пути.

Выучившись в Горном институте, они открывали на Кавказе новые месторождения, добывали полезные ископаемые, столь необходимые для развития промышленности края.

Став мастерами в архитектурном деле, они украшали столицу края, Екатеринодар, и всю Черноморию церквями, учебными заведениями и другими общественными и гражданскими зданиями. А наиболее яркие таланты из казачества вышли на большую орбиту, оставив свои архитектурные творения во многих городах Российской империи.

После Санкт-Петербурга их ждали повышения по службе — Я. Г. Кухаренко стал атаманом Ейского отдела, а затем и Черноморского казачьего войска. После окончания военной Академии Генерального штаба Г. И. Филипсон служил в штабе войск Кавказской линии и Черномории, затем был начальником этого штаба, а с 1855 года — наказным атаманом.

Служа в лейб-гвардии Казачьем дивизионе в Петербурге, они старались и своим детям дать образование в этой культурной столице. Так, четыре дочери генерала А. Виташевского окончили Павловский институт благородных девиц.

Черноморцы К. Российский, Я. Кухаренко, И. Попко и многие другие посылали свои литературные творения в столицу, где они были напечатаны в журналах «Основа», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Журнал Императорского человеколюбивого общества», «Военный сборник», «Русский архив» и других. Благодаря

этим публикациям о далекой Черномории, казаках, их жизни, традициях узнавали не только жители столицы, но и других городов нашей страны.

Первый кубанский писатель Я. Г. Кухаренко, он же атаман, генерал-майор, в Петербурге бывал неоднократно. Согласно архивным источникам, первая известная нам поездка тогда еще подполковника Я. Г. Кухаренко была в январе 1841 года. Он пробыл в столице около трех недель, что подтверждают «Прибавления к Санкт-Петербургским ведомостям». В Царском Селе, в Александровском кадетском малолетнем корпусе учился недавно отвезенный туда его старший сын Степан. Конечно же семилетний мальчик еще не адаптировался к новым условиям, скучал, потому отец, нахвалившийся в командировке в Москве, постарался как можно быстрее справиться с делами, чтобы проведать сына. Именно в ту поездку он познакомился с Т. Г. Шевченко, что подтверждал Тарас Григорьевич в письме от 1 апреля 1854 года: «Я вот сию и года считаю и досчитался до того года, когда мы впервые с тобой увиделись. Угадай, много ли я насчитал? Немного не достаёт до 14, коли не вру». Сохранившаяся переписка этих двух людей подтверждает их нежную искреннюю дружбу.

Здесь жил И. Черник.
Канал Грибоедова, 10

Правое крыло Главного штаба.
Невский, 2. Арх. И. Черник

Вторая поездка относится к 1842 году, на сей раз он пробыл в столице три месяца — с конца мая до конца августа. Тогда он отвезил в тот же корпус второго сына, шестилетнего Александра. В ту поездку с Кухаренко ездили его жена Мария Степановна и семилетняя дочь Ганна, покоровшая Шевченко своей песней «Тече ричка невеличка з вишневого саду». Девочку поэт будет вспоминать в одном из писем из далекой ссылки через 12 лет.

В 1851 году Я. Г. Кухаренко был послан в Петербург членом Общего присутствия в Департамент военных поселений, где прослужил полгода до своего назначения наказным атаманом Азовского казачьего войска в декабре того же года.

Через 10 лет он приезжал незадолго до своей гибели в Петербург в последний раз, на сей раз по распоряжению военного министра, и прослужил там пять месяцев.

Во время всех этих поездок он встречался с историком Н. Костомаровым, с которым был знаком еще в 30-е годы в Харькове, с оперным певцом и композитором С. Гулак-Артемовским, священником С. Опатовичем и другими интересными людьми. Будучи неординарной личностью, он

Казармы Конногвардейского полка. Арх. И. Черник

общался с великими на равных, с ним советовались, к нему прислушивались. Эти встречи, обогащавшие его, прошли через всю его жизнь, как и многолетняя дружба с великим актером М. С. Щепкиным. Удалось установить некоторые адреса гостиниц и частных домов, в которых останавливался Яков Герасимович в Петербурге: на Васильевском острове, Литейном проспекте, канале Грибоедова.

В Петербурге учились его сыновья, ставшие храбрыми офицерами, дослужившиеся до генеральских чинов, много сделавшие для родной Кубани. В лейб-гвардии Царском конвое 20 лет прослужил его третий сын – ротмистр Николай Кухаренко. Будучи замужем за А. Лыковым, жила некоторое время в Петербурге с семьей старшая дочь Кухаренко – Ганна.

Во время всех своих многократных поездок в северную столицу Яков Герасимович наверняка встречался со своим земляком, жившим там постоянно с 40-х годов, знаменитым архитектором Иваном Черником.

Приехав в 1829 году на учебу в Академию художеств от Черноморского войска, 18-летний юноша полюбил Петербург так сильно, что остался в нем навсегда. После окончания академии с золотой медалью он стажировался несколько лет за границей – в Италии, Германии, Франции, Англии, изучая там лучшие образцы произведений великих мастеров живописи и архитектуры. В 24 года он стал академиком архитектуры, а в 30 лет – профессором академии. Он украсил Петербург многими зданиями: перестроил в 1845–1846 годах дом Вольного эконо-

номического общества на Невском проспекте, 2, корпуса казармы Конногвардейского полка на Конногвардейском бульваре и Почтамтской улице, монументальный офицерский на Большой Морской улице, 67, в стиле традиций русского классицизма.

Архитектор И. Черник оставил множество построек в различных городах: гостиницу Кокорева в Москве (ныне здание по Софийской набережной, 34), десятки дач в окрестностях Петербурга, несколько церквей в Сибири, собор в Новочеркасске, многие здания в Саратове, Ярославле, Нижнем Новгороде, Вильно, Варшаве и других городах. Воспетый в песне неразводящийся Поцелуев мост – тоже его работа. Задумывался мост с раз-

махом: его должны были украсить памятник Петру I, конные статуи Александра I, Николая I, фельдмаршалов. Неизвестно, по какой причине вместо грандиозного сооружения получился в итоге скромный мостик. Вероятно, по финансовой. Когда И. Черник в Италии показал папе римскому свой проект триумфальных ворот с пантеоном русских городов, тот воскликнул: «В России, вероятно, очень много денег, если могут предприниматься подобные сооружения».

Умер Иван Денисович Черник 27 мая 1874 года, 63 лет, в Петербурге, похоронен на Новодевичьем кладбище. На могиле установлен беломраморный саркофаг, созданный итальянским скульптором Доменико Карли. К сожалению, накладная доска с фамилией утрачена. Посетители кладбища, проходя мимо этого саркофага, не подозревают, что здесь спит талантливый сын земли кубанской, оставивший после себя замечательный след в архитектуре.

Иной была судьба его брата – Елисея Черника, который во время занятий в Академии художеств тоже учился на лучших образцах того времени – творениях Д. Кваренги, В. Растрелли, Д. Трезини, А. Захарова, А. Воронихина и строившегося на его глазах Исаакиевского собора О. Монферрана. Вернувшись в Черноморию, все знания и талант вложил в постройку, украсившие родной край: Мариинское женское училище, Войсковой собор, Всесвятскую церковь в Екатеринодаре, которые, к сожалению, не выдержали натиска исторических бурь.

Невозможно представить черноморского казака без песни, музыки,

Новодевичье кладбище Санкт-Петербурга. Могила арх. И. Черника и его жены. С обратной стороны саркофага – портрет жены

которые были неотъемлемой частью его жизни: с песней казаки работали в поле, ходили в походы, отмечали все праздники. Едва переселившись на Кубань в 1792 году, казаки вскоре (в 1810 году) создали в Екатеринодаре хор¹. Однако с хормейстерами не везло — они часто менялись, не выдерживая нездорового климата. И войско пришлось к выводу — нужны свои творческие работники.

Священник Эрастов отобрал из хора двух способных юношей с хорошими голосами (бас и тенор), которые были отправлены в Императорскую придворную певческую капеллу за счет войсковых сумм. Это были урядник Моисей Варфоломеевич Терпилец из Елизаветинской станицы и Митрофан Никитич Бибик из Переясловской станицы. В РГИА хранится «Дело о присланных для приготовления в регенты урядника Терпилца и казака Митрофана Бирика», из которого явствует, что в начале 1858 года юноши приступили к занятиям².

Ученикам были куплены две скрипки со смычками на 35 рублей, струн на 10 рублей, книги по теории музыки, камертоны, канифоль для смычков. Программа была рассчитана на три года: 1-й год — обучение нотной грамоте, молитвам, 2-й год — гаммы, сольфеджио, интервалы, 3-й — упражнения поголосно с хором церковного пения и повторение духовных сочинений. От поступивших требовалось знание наизусть всех молитв, которые поют в церкви во время литургии, панихиды, Воскресения Христова, благодарственного молебна, всенощного бдения, воскресных тропарей и т.д.³

Черноморцы оказались способными, потому учились вместо трех два года. Кроме учебы учащиеся Капеллы давали концерты в пользу вдов и сирот, инвалидов; по случаю закладки церквей, дворцов на дачах великих князей в Петергофе, Царском Селе, в Санкт-Петербурге, что было хорошей практикой. Объявления о концертах помещались в «Северной пчеле», «Русском инвалиде» и других печатных изданиях того времени. В программах концертов были произведения Бетховена, Мендельсона, Вебера, Бартольди. Музыкальная жизнь в столице, судя по газетам, была ключом, что было очень кстати для провинциалов. В Мариинском театре шла опера Верди «Трубадур», в Большом — оперы Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», «Севильский цирюльник» Россини, «Фауст» Гуно и другие. Можно предположить, что Санкт-Петербург сформировал вкус будущих хормей-

Портрет И. Черника на его саркофаге

стеров на лучших классических бессмертных творениях.

8 июля 1859 года М. Терпилец получил аттестат за № 247 об окончании Капеллы⁴. Такой же аттестат получил и М. Бибик.

По возвращении в Черноморие молодые специалисты с энергией взялись за дело. 2 ноября 1859 года М. Терпилец начал работать регентом войскового хора с окладом в 190 рублей, а его помощник М. Бибик получал 110 рублей в год. Несмотря на то что наряду с репетициями им приходилось заниматься и хозяйственными делами (шить мундиры и шаровары, покупать буквари и другие учебники для хористов, заказывать в Петербурге ноты, искать хористов во всех станицах Черноморья и т.д.), они подняли творческую активность хора на должную высоту. Так, генерал Л. И. Кусаков в июне 1860 года благодарил директора Капеллы Львова за выпускников: «С возвращением в Екатеринодар урядника Терпилца, обучавшегося церковному пению в Санкт-Петербурге у регента Придворной певческой капеллы, войсковой и певческий хор значительно улучшился в отношении метода пения»⁵. А как сообщил архивариус И. Кияшко, в сентябре 1861 года Александр II во время посещения Екатеринодара одобрил войсковой хор, найдя его «замечательным по голосам и стройности исполнения».

В том была несомненная заслуга выпускников М. Терпилца и М. Бирика, окончивших столичное учебное заведение. И вот еще одно впечатление от исполнительского мастерства певческого хора, оставленное нам бу-

дущим известным историком Ф. Шербиной. В 1861 году 12-летним мальчиком он приехал учиться в Екатеринодар и в первый же день попал в войсковой собор на церковную службу. «Все, что я видел и слышал в городе в течение этого дня, было несравнимо по силе и длительности тех впечатлений, какие оставил в моей памяти войсковой хор», — написал он позднее⁶.

Раньше кубанских хормейстеров выучился в Петербурге на горного инженера Гавриил Литевский. Черноморские казаки, понимая огромное значение горного промысла в развитии экономики края, посылали своих стипендиатов в старейшее учебное заведение — Горный институт, основанный в Санкт-Петербурге в 1774 году. В 1838 году туда был послан учиться горному делу сирота Литевский, окончивший Екатеринодарское уездное училище. 15-летний юноша отличался трудолюбием, учился успешно, так как надеяться ему было не на кого. В 24 года он был выпущен из стен института 471-м его выпускником⁷. После этого в течение двух лет он проходил практику на Уральских заводах, где еще больше развил свои познания в горном искусстве, после чего был переведен на службу в Черноморское войско.

Согласно сохранившимся архивным документам он исследовал Черноморские земли, найдя в них торфяники, а на дне реки Абин — валуны, состоявшие из яшмы, кварцита, сланцев; на правом берегу реки М. Зеленчук обнаружил запасы каменного угля, возле Тамани — нефтяные источники, а также в разных местах запасы соли, гипс, мергель, железную руду и другие полезные ископаемые. Найденный им раковинный известняк использовался как строительный материал для кладки и строительства домов, погребов, мостов, колодезь и прочих объектов. Обломки использовали для посыпания дворов, улиц, дорог, а обожженные камышом, они давали известь, столь дорогую в этом крае. Гипс использовался для побелки домов.

Наказной атаман Г. Рашпиль в рапорте командующему войсками на кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Н. Заводовскому отозвался о Литевском следующим образом: «...способный и усердный горный инженер, может постоянно оказывать полезные услуги как войску, так и государству, науке и промышленности»⁸.

Большой вклад горного инженера в освоение Кубани был отмечен в докладе Б. Городецкого «Кто и как изучал Кубанскую область» 10 февраля 1912 года: «Литевский дал подробное

описание месторождений нефти и обстоятельное исследование соляных озер». Г. Литевский был автором статей «Соляные промыслы в земле черноморских казаков» и «Об открытии озокерита на Кавказе», опубликованных в «Горном журнале» за 1853 год.

Талантливого горного инженера, неутомимого геолога, автора научных статей взрастила северная столица за 9 лет учебы и пребывания в ней. Все полученные там знания, весь свой опыт, пыл души своей он отдал Черноморью.

Не менее чем полезные ископаемые нужны были в строительном деле леса. В 1844 году Черноморское войско послало в Лесной институт двух воспитанников, «от образования которых войско ожидает первых опытов разведения лесов в этих обнаженных степях». К тому же при хорошем ведении лесное хозяйство могло быть источником доходов войсковой казны. Черноморец Василий Рубашевский учился в этом старейшем институте, основанном в 1803 году.

Он изучал специальные предметы: лесное хозяйство, форсттаксацию (учет леса, его материальная оценка, определение возраста, высоты деревьев и т.п.), форсттехнологию (обработка материала), ботанику теоретическую и практическую с применением к лесоводству, лесоводство, лесоохрану, егерское искусство, горо- и почвознание, орнитацию (наука о птицах), энтомологию (наука о насекомых) и другие науки. Судя по сохранившимся документам, в институте уделялось большое внимание нравственному воспитанию, привитию после веры важнейшего из всех нравственных чувств — чувства долга, почтения к родителям, любви к близким, уважения к старшим, благочестия и других качеств.

После окончания института и двухлетней практики в Лисинском и Лужском лесничествах он в 1856 году был произведен в прапорщики и послан в строевой состав Черноморского войска, а через два года стал заведовать всеми войсковыми лесами, проработав на этой должности более 20 лет. В его обязанности входили рубка леса для ухода и формирования насаждений, посадка и посев лесных культур, лесосъемки, пожароохрана, охрана от вредителей, отбор лучших пород для семян, исследование почв для тех или иных деревьев, очистка от сушняка, сбережение леса от хищений, отпуск и продажа леса на дрова и строительство, охрана дичи и т.п.

Он следил за тем, чтобы охоту начинали не ранее 6 августа, сохранял

лес от порубки, заботился об увеличении численности охраны и закрытию ненужных дорог, опахивал леса от пожара, обводил их вокруг канавами, вывозил вырубленные деревья, засохшие складывал в костры, сеял семена, производил рассадку молодых деревьев. Таков далеко не полный перечень дел лесничего. Работал он с увлечением, так как это было его любимым делом, прошел путь от прапорщика до есаула.

Так же, как и Василий Рубашевский, 12 замечательных лет провел в Петербурге, участь на отделении живописи в Академии художеств, черноморец Павел Шамрай. Он научился портретному искусству, приобрел знания, много увидел в большом городе. Под руководством профессора Бруни он участвовал в росписи Исаакиевского собора и соборной церкви в Екатеринодаре, как утверждает Шевченковский словарь⁹.

К сожалению, его живописные работы пока не выявлены. Это могут быть портреты его современников — атаманов, храбрых казаков, замечательных людей.

В Институте путей сообщения учились казаки Дмитрий Дейнега и Василий Сербин. В 1854 году окончили Главное инженерное училище Павел Бурсак и Прокофий Черник, которые благоустроивали свой город и край.

Поскольку женских учебных заведений на Кубани не было до середины 60-х годов XIX века, состоятельные казаки отвозили своих дочерей в Керченский, Одесский, Ставропольский и Петербургские институты. Так, в Павловском институте благородных девиц учились дочь есаула Мелания Лозинская, дочь войскового старшины Александра Орел, дочери генерала Виташевского Вера, Надежда, Екатерина, Ольга. В Воспитательном обществе благородных девиц учились Анна и Фекла Семенкины, в Елизаветинском училище — Вера Соломка, в Патриотическом институте — Ольга Чумаченко и многие другие. Они изучали закон Божий, российскую грамматику, арифметику, физику, историю, географию, иностранные языки, педагогику, дидактику, рукоделие, музыку, гимнастику.

Согласно архивным документам, хранящимся в Российском государственном историческом архиве, воспитанницам Санкт-Петербургских институтов благородных девиц показывали главные достопримечательности столицы: Исаакиевский собор, Эрмитаж, Императорскую публичную библиотеку, а также возили их на экскурсии в Царское Село, Петергоф и другие пригороды. Из девочек выходили образованные жены, хорошие матери, а в случае необходимости они становились домашними учительницами либо воспитательницами в учебных заведениях.

В Петербурге на Новодевичьем кладбище похоронены кубанский архитектор Иван Черник, генерал-майор Кубанского казачьего войска Г. Атарщиков, первый произведенный в генеральский чин по Кубанскому войску (1816–1885), автор интересных «Заметок старого кавказца», опубликованных в «Военном сборнике» за 1870 год. В Александро-Невской лавре похоронен черноморец Василий Золотаренко (1818–1872) — скромный учитель екатеринодарской гимназии, автор дневника, интересных писем, биографии первого кубанского просветителя К. Россинского и «Рассказа о Екатеринодаре, главного городе Черноморского казачьего войска».

Лучшие из казаков служили в лейб-гвардии Царском конвое: П. Касалап, А. Лавровский, С. Голуб, В. Шкурпатский и многие другие. Возвращаясь после службы в Черноморью, они были объектом зависти и восторга не только из-за красивой формы, но и потому, что служили в столице, видели царя и его семью и вообще многое повидали, выгодно отличаясь от своих собратьев, не видавших ничего, кроме своей станицы.

Таким образом, Петербург играл большую роль в жизни черноморцев: он готовил высоко профессиональных специалистов, формировал эстетический вкус на лучших творениях архитектуры, живописи, музыки, выпускал из стен учебных заведений полезных для общества людей, которые украсили край своим трудом и составляли элиту в провинции, слой интеллигенции, передовых людей своего времени.

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1176. Л. 2.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 499. Оп. 1. Д. 1065. Л. 1.

³ Там же. Д. 1135.

⁴ Там же. Д. 1065. Л. 19.

⁵ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 208а. Л. 13, 23, 27, 36, 51.

⁶ Там же. Ф. 764. Оп. 1. Д. 94. Л. 40.

⁷ Горн. журн. (Пг.). 1923. № 11. С. 751.

⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1906. Л. 16.

⁹ Шевченковский словарь. Киев, 1977. Т. 2. С. 351.